

Собрав всю необходимую ему круглую пшеницу и подсчитав, что до готовности верстака остаётся ещё больше десяти дней, Линь Цинхэнь впервые за долгое время ощутил редкую свободу. Он не знал, каким будет следующее задание, а начинать сейчас какие-то новые исследования, когда он всё равно не мог надолго оставаться здесь, было неуместно. Непривычно расслабившись, он присел на краю поля, опираясь о межу.

Он уже решил, что, закончив с делами, вернётся к себе, чтобы переодеться в чистую одежду и собрать свои немногочисленные пожитки. Однако, не успел он далеко отойти от дерева с дуплом, как заметил группу людей, спешно направлявшуюся в его сторону.

Линь Цинхэнь, всё ещё одетый в рабочую одежду земледельца, тут же свернул в сторону и скрылся на соседнем поле, где на него никто не обратил внимания. Оттуда он увидел, как толпа устремилась напрямиком к полям круглой пшеницы в его саду.

Подойдя ближе, он разглядел, что, хотя большинство людей ему были незнакомы, вёл их его так называемый отец, Линь Чжунтянь, которого он давно не видел.

Не став задерживаться, Линь Цинхэнь развернулся и пошёл к своему маленькому дворику. По случайному совпадению, ещё не дойдя до ворот, он столкнулся с Шици.

Шици, по своей натуре живой и общительный, знавший множество людей и все последние новости, при виде Линь Цинхэня тут же просиял. Он поманил его рукой, отвёл в укромный уголок и таинственным шёпотом сообщил: — Молодой господин Цинхэнь, у меня для вас хорошая новость!

— Какая?

— Молодой господин Линь Фэй, тот, что вечно к вам цеплялся и издевался над нами, земледельцами, говорят, опозорился сегодня на состязании алхимиков. Глава семьи был в ярости и отправил его в Зал Наказаний! — В голосе Шици слышалась неподдельная радость. — Ему всыпали тридцать ударов плетью, он там еле живой. Теперь его заперли, а Девятая старейшина сказала, что после наказания его отправят на передовую для закалки. Может, он вообще больше не вернётся в семью Линь!

Конечно, слуга вроде Шици не мог знать всех подробностей, но Линь Цинхэнь, услышав это, сразу всё понял.

«Мошенничество».

Линь Фэй получил по заслугам. Опозориться на таком мероприятии — наказание было неминуемо.

Линь Цинхэнь ещё не догадывался, что и сам был невольно связан с этим происшествием. Он опустил глаза, снова вспоминая увиденную им картину.

«Почему они пошли к полям круглой пшеницы?»

Очень странно.

Шици, говоривший с ним, полагал, что эта новость обрадует его. Хотя за маской Линь Цинхэня не было видно выражения лица, по его общей реакции он не казался счастливым.

— Молодой господин Цинхэнь, теперь Линь Фэй не будет вас донимать, разве это не хорошо? — сказав это, Шици, казалось, что-то осознал. Будучи человеком простым, он тут же озвучил свою мысль. — Ах, да. Для молодого господина Цинхэня ведь не Линь Фэй был самым ненавистным человеком, а госпожа Циншуан...

На этом месте он наконец сообразил, что лучше промолчать.

Линь Цинхэнь взглянул на него и похлопал по плечу, показывая, чтобы тот не волновался.

Это была правда. Даже Шици понимал, что тяжёлое положение Линь Цинхэня в семье было вызвано не мелким задирой Линь Фэем, а его сестрой, Линь Циншуан.

Говоря прямо, большинство поступков Линь Фэя были продиктованы желанием угодить ей.

Конфликт с сестрой, как и отвращение Линь Чжунтяня к собственному сыну с самого детства, уходили корнями, насколько помнил Линь Цинхэнь, в историю их родителей.

Мать Линь Циншуан происходила из семьи Шэнь — одного из Семи Великих Семей, славившегося своими алхимиками. Дед Линь Цинхэня, бывший в то время главой семьи Линь, обожал устраивать браки для младшего поколения. Он силой заставил Линь Чжунтяня жениться на талантливой госпоже Шэнь Лоин из семьи алхимиков.

Но у Линь Чжунтяня в то время уже была возлюбленная — женщина по имени Фу И, которую он встретил во время своих странствий. Даже женившись на Шэнь Лоин, он не смог отказаться от своей пассии и тайно содержал её на стороне. Став главой семьи, он без промедления ввёл её в дом и возвысил до положения, равного статусу его законной жены.

Вся ирония этой мыльной оперы заключалась в том, что Шэнь Лоин, известная красавица всего континента, со временем покорила сердце Линь Чжунтяня. В постоянных ссорах и примирениях он, сам того не заметив, влюбился в жену, а его чувства к Фу И постепенно угасли.

Фу И, войдя в семью, почувствовала, что сердце мужчины ей больше не принадлежит. Контраст стал ещё разительнее, когда обе женщины забеременели одновременно. Сгорая от ненависти и отчаяния, в безумной надежде, что после смерти законной жены сердце Линь Чжунтяня вернётся к ней, она начала тайно подсыпать беременной Шэнь Лоин медленно действующий яд.

Сделать это незаметно было непросто. Фу И, также будучи в положении, часто чувствовала себя слабой, и её действия по принципу «убей врага, ранив себя» истощили и её собственный организм. Возможно, именно это и стало причиной врождённой слабости Линь Цинхэня.

Шэнь Лоин, как алхимик, обладала более хрупким здоровьем. Её беременность протекала тяжело, и по неизвестной причине у неё начались внезапные преждевременные роды. Линь Чжунтянь, находившийся в отъезде, не успел вернуться. В итоге она и Фу И родили в один день, но Шэнь Лоин, произведя на свет Линь Циншуан, не выдержала. Яд сработал, и она впала в кому.

Линь Цинхэнь был сыном этой постепенно теряющей рассудок госпожи Фу И.

На тот момент её преступление ещё не было раскрыто, но после того, как Шэнь Лоин впала в кому, Линь Чжунтянь наконец осознал свои истинные чувства. Он любил только Шэнь Лоин. Почти обезумев, он был готов на всё, чтобы спасти жену, и даже собирался выгнать только что родившую Фу И.

Линь Чжунтянь потратил немало времени и наконец нашёл способ исцелить супругу. Именно в этот момент Фу И окончательно сошла с ума. В самый критический момент, когда Шэнь Лоин должна была очнуться, она ворвалась в её покои и, пожертвовав собой, активировала все яды, что ранее заложила в тело соперницы.

Все усилия Линь Чжунтяня пошли прахом. Шэнь Лоин впала в ещё более глубокую кому, превратившись в живой труп, и остаётся в таком состоянии по сей день. После смерти Фу И все её злодеяния были раскрыты, и Линь Чжунтянь возненавидел свою бывшую возлюбленную до глубины души.

Поэтому его нынешняя безграничная любовь к Линь Циншуан и отвращение к Линь Цинхэню имели под собой веские основания.

Даже если его младший сын ничего не сделал, он считал величайшим проявлением милосердия просто делать вид, что того не существует.

Сам Линь Цинхэнь помнил эти события смутно. Многое ему рассказал тот самый старший член семьи, который со злым умыслом дал ему новое имя.

Воспоминания о Фу И были туманными. Что вообще может запомнить младенец? Он лишь смутно помнил, что эта безумная мать не любила даже собственного сына, почти никогда не

брала его на руки, всегда перепоручая слугам.

В противоположность ей, Шэнь Лоин была прекрасным человеком. Многие в семье Линь любили и уважали её, и по принципу «возненавидь и ворону за то, что сидела на крыше дома ненавистного человека» они перенесли свою неприязнь на Линь Цинхэня.

Положа руку на сердце, Линь Цинхэнь и сам считал её самой невинной жертвой. Брак был устроен семьёй, а то, что Линь Чжунтянь переметнулся, было его собственным выбором. Шэнь Лоин не сделала ничего плохого, но пострадала больше всех.

Линь Циншуан, чья мать стала жертвой интриг Фу И, тоже была достойна сочувствия. Хотя Линь Цинхэнь и был невиновен, он смотрел на вещи трезво.

Такова была логика вещей. Он — дитя Фу И. В каком-то смысле, за грехи матери должен расплачиваться сын, в этом была своя правда. У него не было морального права осуждать Линь Циншуан за её ненависть.

Возможно, разница в их талантах и была своего рода искуплением, но порой Линь Циншуан заходила слишком далеко.

Откровенно говоря, главным виновником всего был Линь Чжунтянь — ветреный человек, неспособный защитить тех, кого любил. И даже если Линь Цинхэнь принял на себя вину матери, всему должен быть предел.

Прежний владелец этого тела отдал свою жизнь — неужели этого было мало? Когда Линь Цинхэнь только переместился сюда, он обнаружил у себя прекрасную память и понадеялся, что сможет благодаря этому найти своё место в семье.

В то время он ещё посещал частную школу семьи Линь. В практических занятиях он уступал, но на теоретических экзаменах его результаты были даже лучше, чем у Линь Циншуан. Управляющий Мэй, отвечавший тогда за обучение, даже хвалил его при всех.

Месть Линь Циншуан не заставила себя ждать.

В ту же ночь двор Линь Цинхэня был сожжён. Все его записи, одежда и вещи сгорели дотла, а сам он едва не погиб во второй раз. Затем его по надуманному предлогу исключили из школы, лишив даже частного образования.

Не имея новой одежды, он был вынужден переодеться в одеяния слуг, которые больше никогда не снимал.

Она была гораздо безжалостнее Линь Фэя.

Подобных случаев было множество. Линь Цинхэнь, бывший в прошлой жизни элитой и любимцем судьбы, постепенно научился прятать все свои острые углы. Не выделяться, не привлекать внимания. Его характер стал более сдержанным и осторожным. Он стал тем, кем хотела его видеть Линь Циншуан, — по крайней мере, внешне, — бесполезным отбросом, по которому она всегда могла пройти.

Но у этой жизни должен быть конец.

Когда вернётся Юй Иньинь, будь то грехи Фу И или что-то ещё, всё это больше не будет его касаться.

Однако, вспоминая прошлое, Линь Цинхэнь не мог отделаться от образа толпы, идущей к полям круглой пшеницы. Осторожность не помешает.

Он смутно чувствовал, что должно что-то произойти. Перед самым комендантским часом он снова покинул свой двор, вернулся к дереву с дуплом, спрятал Пчелиную кристальную бабочку под одеждой и полностью очистил оба поля от круглой пшеницы.

У Линь Цинхэня были копии всех выведенных им семян. Под каменной плитой в его захудалом дворике был спрятан самодельный тайник, где также хранились его исследовательские записи.

Когда придёт время уходить, он заберёт всё это с собой, не оставив ни единого следа.

Ему казалось, что в последнее время в семье Линь что-то назревало. В воздухе витало предчувствие надвигающейся бури.

<http://bllate.org/book/15326/1412393>